

УДК 111
ББК 87

УРБАНИСТИЧЕСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ: ПАРАМЕТРЫ МЕДИАЛЬНОЙ КОНФИГУРАЦИИ ¹

Очеретяный Константин Алексеевич

Аспирант кафедры онтологии и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета,
ученый секретарь исследовательского центра медиафилософии
Санкт-Петербургского государственного университета
ocherk.on@yandex.ru
Менделеевская линия, 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Современные медийные инстанции отменяют или видоизменяют до неузнаваемости привычные способы ориентации в мире. Пространство упраздняется в пользу времени, город низводится к его карте или даже схеме, травматические переживания и негативный вклад в разметку событий предупреждаются построением аналитической картины мира. Трансформация нашего опыта ставит вопросы о пределах медиареальности, о медиальной конструкции пространства, о дисперсии тела в медиареальности и коррелятах новой – медиальной телесности. Урбанистическая телесность в эпоху новых медиа обладает отличной от прежних видов телесности схемой, иными соматическими аргументами, радикальными параметрами тактильного cogito. Особенность урбанистической телесности сегодня состоит в том, что «телесная схема» неразрывно сживается с производными «технического образа».

Ключевые слова: тело, медиа, город, образ, чувственность, телесная схема, пространство.

Архидьякон Фролло в «Соборе Парижской Богоматери» Виктора Гюго выражает опасность, которую, по его мнению, несет книга, следующей формулой: «Вот это убьет то. Книга убьет здание». Комментируя этот «приговор», Р. Дебрэ [5, с. 119–120] указывает на его важность для исследования медиа: несмотря на то что «книгопечатание не уничтожило архитектуру», в утверждении архидьякона Фролло эмблематически фиксируется связь между «этим» и «тем», между материальным основанием медиальных инстанций и контекстом, механизмами восприятия, институтами культуры. В нашем случае – между медиа и пространством города. Мы знаем, как медиа уничтожали жизненные ландшафты, как смена медиа изменяла формат культуры. Но мы знаем также, как вместе с изменени-

ем этого формата менялись роль и функции города в культуре, как менялись отношения между телом и городом, как изменение пространства города влияло на тело, его образы и чувственность, как изменения в формате чувственности меняли город.

«Впервые политическое объединение на началах гомогенности стало возможно с появлением печати. В Древнем Риме, однако, лишь легкая бумажная рукопись пробивала непроницаемость племенных деревень и уменьшала их обособленность, а когда прекратились поставки бумаги, дороги стали такими же пустынными, какими они были в наши дни после введения нормированной продажи бензина. <...> Первым актом Юлия Цезаря после прихода к власти было введение ограничения на ночное движение колесных средств в го-

роде Рима, дабы они не мешали людям спать. В эпоху Возрождения усовершенствованный транспорт превратил обнесенные крепостными стенами средневековые города в трущобы. <...> С появлением воздушного транспорта продолжается дальнейшее разрушение старого комплекса «город – деревня», возникшего с появлением колеса и дороги. С изобретением самолета города начинают иметь столь же незначительную связь с человеческими нуждами, как и музеи. Они становятся музейными экспозициями, коридоры которых являются отзвуком уходящих в прошлое форм промышленных сборочных линий. Дорога, таким образом, используется все меньше и меньше для перемещений и все больше и больше для отдыха. Теперь путешественник переключается на воздушные линии, а тем самым перестает переживать сам акт путешествия» [11, с. 103–107]. Изменение взаимоотношений между пространством и временем, опытным переживанием и чувственностью, которая живет этим опытом, выдвигает на первый план вопрос о том, каким образом в нашу медийную эпоху разыгрывается сложная взаимосвязь между нашим телом и городом, который, как пишет в книге «Город в истории» Льюис Мэмфорд, является таким же расширением нашего кожного покрова, как дом и одежда» [там же, с. 55–56].

Мыслители «пространственного поворота» еще находили утешение в утопическом опыте живого чувства пространства, в переживании ландшафта дыханием, болью, кожей. Полагая, что мы говорим о действительных вопросах нашего настоящего (во всех смыслах), только если мы говорим из определенного и критически осмысленного времени и пространства, они отдавали должное презумпции роли тела в структурировании пространственного опыта, но не отдавали отчет в том, что признания тела в качестве медиума всех медиа, в качестве прамедиа не разрешает, но подменяет проблему. Вместо оценивания опыта тела как медиума времени и пространства, следовало бы прийти к той мысли, о которой не перестают напоминать мыслители «медиаального поворота». Само критическое осмысление времени и пространства, тела культуры и его символического коррелята – города зависит от тех операторов и рабочих моделей,

которые производят наше пространство и наше время. Теоретики медиаального поворота настаивают на необходимости обнаруживать то, что поддерживает – в качестве основания – пространство, в том числе и пространство города. «Пространственный поворот» предполагал, в сущности, преодоление глобалистской «беспочвенности», или, если воспользоваться терминологией Х.У. Гумбрехта, возвращение к топологическим координатам «присутствия» от атопических проекций «значения», от карты к территории, от медиа – к пространству. Медиаальный поворот ставит под сомнение успешность этого движения вне обнаружения медиаальных инстанций, выступающих условием возможности пространства, и утверждает первенство карты по отношению к территории. Карта как представление детерриториализируется картой в качестве медиа: ее материальность смешивается с содержанием, и изменение картографических процедур приводит к мутации процедур представления пространства. Пространство производится: символическое единение экзистенциального, онтологического и аффективного в пространстве является скорее синтетическим единством, где основанием и движущей причиной синтеза является нечто иное. Сегодня, после того как медиа окончательно утвердились в качестве проблемы для западноевропейской рациональности, мы уже не можем предполагать возможное возвращение в топос («заземление опыта») вне тех медиаальных инстанций, которые определяют наш способ представления, восприятия и понимания топоса.

«У римлян план лагеря строился по образцу плана города, при том что сам город строился в соответствии с общим планом мира и сторонами света» [7, с. 116]. Когда общий план мира определяется медиаальной конфигурацией чувственности, а телесная целостность связывается с неким символическим единством, которым только и характеризуется феномен «мира» как жизненного измерения и горизонта возможного опыта, город в общественном сознании начинает соотноситься с телом. Уже в XV в. представитель гражданского правосудия, гонфалоньер справедливости Маттео Пальмиери сравнивает слаженно функционирующий город со «здоровым мощным и хорошо сложен-

ным телом» [24, с. 103]. Сегодня мысль Пальмиери переживает перезагрузку смысловой актуальности. Ведь именно сегодня граница между искусственным и естественным, издревле проходящая по телу шрамом культуры, подвижна как никогда прежде. Тело, как и город, становится полем битвы: знаков, дискурсов, политических структур, моральных инстанций. Если Мануэль Де Ланда говорит о городе как о хитиновом экзоскелете – естественном образовании, внутри которого протекает жизнь горожан, то мы вправе продолжить эту мысль тезисом: урбанистическая телесность в эпоху новых медиа обладает отличной от прежних видов телесности схемой, иными соматическими а priori, радикальными параметрами тактильного cogito. Особенность урбанистической телесности сегодня состоит в том, что «телесная схема» (Морис Мерло-Понти) неразрывно сживается с производными «технического образа» (Вильям Флюссер).

Называя тело способом данности, мы не исчерпываем роль тела лишь действием органов чувств или их взаимодействием с некой абстрактной формой сознания, а говорим о том, что мир как целое возможен исключительно благодаря телу. Так, рассуждая о «стадии зеркала» и ее роли в формировании субъекта, его мира, Жак Лакан говорит о том, что дискурс, в который будут включены и субъект, и феномены мира, обусловлен первым гештальтом, с которым сталкивается сознание. Этим гештальтом является тело, а все вариации целокупной формы, обеспечивающие продуктивный синтез целостности, будут зависеть от первого вытеснения – от вытеснения тела из работы матриц сознания. «Стадия зеркала, таким образом, представляет собой драму, чей внутренний импульс устремляет ее от несостоятельности к опережению, – драму, которая фабрикует для субъекта, попавшегося на приманку пространственной идентификации, череду фантазмов, открывающуюся расчлененным образом тела, а завершающуюся формой его целостности, которую мы назовем ортопедической, и облачения, наконец, в ту броню отчуждающей идентичности, чья жесткая структура и предопределяет собой все дальнейшее его умственное развитие» [8, с. 513].

Тело как гештальт, как опосредованная (а значит, созданная) медиумом зеркала целостность, становится базовой единицей, упорядочивающей космос сознания, универсум возможного опыта, конфигурации символического и воображаемого. Тело является базовым кодом, согласно которому складываются конструкции социальных механизмов, машин идеологии, символические ландшафты эпистем. Но тело во все эпохи, будучи доступом к внешнему и внутреннему, границей, определяющей как формы внешнего опыта, так и фигуры внутреннего опыта, само зависело от медийного формата эпохи. Именно этим объясняются его уникальные исторические конфигурации. В эпоху Возрождения телесность была конгруэнтна той разметке сущего, которую предлагали симпатическая магия и логика всеобщего подобия. Человеческое тело представляло собой микрокосм, в котором сознание находило универсальную меру космоса – средоточие организующих и поддерживающих универсум вселенной стихийных элементов. В согласии с указанной логикой золото и серебро очищают тело, так как передают ему свойственные указанным металлам атрибуты чистоты и благородства; шарики волчьего корня благотворны для глаз, так как по своему эйдосу (согласно исходному понятию – «внешнему виду») подобны видимой структуре глаза; а грецкий орех согласно тому же сходству может лечить болезни головы. Тело здесь – «скрепа мира», связующая мир горний с миром дольным, идею с вещью, феномен с бытием. Город, соответствующий этой схеме, – это республиканский город, город как единство коллективного тела и политического панциря, в который это тело заключено. В эпоху Нового времени тело определяется как соматическая схема, как та механистическая сборка, которая содержит в себе секрет конструкции мирового механизма. Тело – машина, самая знакомая и самая близкая нам из всех мировых машин, на основании анализа ее построения мы знакомимся с механикой Вселенной, уточняем и определяем ее свойства. Город Нового времени являет собой линейную перспективу улиц, единство городского плана и систему нумерации домов. Эпоха XIX в., захваченная проблематикой энергетических потоков и их перерас-

пределения, берет на вооружение проблематику, заданную еще в XVIII в. Жюльеном Офрэ де Ламетри, и по-новому интерпретирует концепт «тело-машина». Здесь город, как и тело, представляет собой игру порядка и хаоса, трущобы стремятся в сердце города, но от этого сердца импульсами расходятся волны капиталистической социальной машины, стерилизующей трущобы, превращающей все вокруг в пустыню, в пространство новых надежд и нового начала.

«Фрейд, как мы все знаем, начинал с нейропсихологии и, как и все его современники, исходил из идеи “одушевленной машины”, каковой должны были оказаться все мы. Когда в “Истолковании сновидений” он открыл, что человек со всем своим психическим аппаратом функционирует “как машины”, хотя и на строго символическом, а вовсе не физиологическом основании, “это был такой переворот, что он даже сам поначалу не понял, что произошло” (Лакан)» [13, с. 52]. Проблема рассмотрения тела как некоторого энергетического равновесия, как замечает Фрейд и как комментирует его замечание Лакан, стала возможной только после изобретения машины нового поколения – уже не только механистической, связанной с постоянной кинетической энергией, сколько с динамикой энергетического обмена. Такой образцовой машиной нового поколения явился паровой двигатель. Именно он впервые поставил проблему утечки энергии, ее поддержания и возмещения. Иными словами, по-новому, уже не в антропологическом ключе, а в машинном смысле, открыл проблему организации и дезорганизации, порядка и хаоса, энтропии и информации.

Последнее уже на заре эпохи цифровой культуры позволило рассматривать тело как информационную систему, то есть как информацию. «В 1963 году советский математик Ляпунов доказал, что во всех живых системах происходит передача по точно установленным каналам небольшого количества энергии или материи, содержащего огромный объем информации, которая в дальнейшем отвечает за контроль больших количеств энергии и материи. В подобной перспективе многие феномены, как биологические, так и культурные (накопление, обратная связь, каналы передачи сообщений и другие), могут рассмат-

риваться как различные аспекты обработки информации» [1, с. 128]. В то время как семиотика и лингвистика начинают сближаться, а генетический код начинает рассматриваться как первичная сигнальная система, то есть протосистема всего живого, значимость наук, ориентированных изначально на рассмотрение мира как языка, а затем – как кода – все больше возрастает. «К 1980-м годам язык обрел статус реальности как таковой, ибо даже “научное знание” – это вид дискурса. Поэтому можно сказать, что на протяжении сорока лет так называемые передовые науки и техники имеют дело с языком: фонология и лингвистические теории, проблемы коммуникации и кибернетика, современные алгебры и информатика, вычислительные машины и их языки, проблемы языковых переводов и исследование совместимости машинных языков, проблемы сохранения в памяти и банки данных, телематика и разработка “мыслящих” терминалов» [10, с. 15–16]. Рассмотрение генетического кода как базовой сигнальной или даже семиотической системы всего живого, неразрывно переплетаясь с научным интересом к коду, машинной семиотике (кибернетические модели) и символическому обмену между живым и неживым, естественным и искусственным, человеком и компьютером, приводит к рассмотрению биокода как информационного кода. Как отмечает Джудит Баттлер, «анатомическое дается только в акте сигнификации» [19, с. 90]. В случае с работой медийных инстанций тело не только становится неотделимым от акта сигнификации, но и само трансформируется в сигнификативную систему. В дальней перспективе развития компьютера и совершенствования его медийных функций телесность принимает форму медиакода. Тело начинает рассматриваться (если взять на вооружение термин Юджина Такера) как «биомедиа». Современное медиатело – это уже не просто тело как биокод или как код культуры, но и особый шифр медиа. Оно предстает как бы в двух модусах: «как биологическое тело, биомолекулярное тело, как тело рода, но также как тело, которое “собрано” из различных способов визуализации, моделирования, извлечения информации и кремниевой симуляции» [26, с. 13]. Тело не просто становится еще одним видом медиа, оно переопределя-

ется в своих базовых параметрах теми закономерностями, которые устанавливает медиареальность. По мере экспансии медиареальности или, что в определенном смысле означает то же самое, по мере того как реальность начинает интерпретироваться в терминах медиа и пониматься исключительно как медиареальность, медиатело становится доминирующим форматом телесности. Теперь индексы домов, названия улиц и дорожные знаки, как базовая семиотика ориентации в городе, переплетаются с эстетикой рекламных сообщений, социальных призывов, с нонсенсом граффити. Тело как семиотическая система обменивается сигналами с семиотической системой города. В этом смысле медиа меняет все. По мере того как телесность трансформируется в семиотическую структуру, восприятие города также кардинально меняется.

В те времена, когда цивилизация рассматривалась молодыми варварскими народами как символ всеобщего разложения нравов, упадка земного могущества и затмения божественной милости, «косматое тело» культуры с тревогой сторонилось доспехов символического, в которых обитало бледное и изнеженное тело цивилизации. Аристотель, рассматривающий уединение как форму исключения из коллективного тела, не забывал сопроводить это исключение моральной оценкой: вне города обитает либо Бог, либо зверь. Менее цивилизованные народы рассматривали такой страх перед выдворением за черту города как мету болезненной слабости, изнеженной городской телесности. Для них сама слабость, болезненность тесно связывалась с городом. Последний представлял во взгляде носителя хтонического импульса настоящей фабрикой недугов. «Когда-то бедуины в арабских городах затыкали себе нос платком или тряпицей; <...> гунны страшились домов, как могил. Так же поступали и саксы, целый век осаждавшие Англию и не осмелившиеся поселиться в завоеванных римских городах. Они разрушали их дотла и складывали элегии, оплакивая руины» [3, с. 109]. Город – символ смерти и разрушения. Из многочисленных свидетельств антропологических изысканий нам известно, что первый дом строился не в качестве временной стоянки или пункта релаксации и восстановления. Он строился не для (го-

воря на языке христианских миссионеров) «уставших в пути», но для того, кто уже не мог двигаться дальше. Первый дом – не для живого, он – для покойника, умиравшего всякий раз неестественным путем (архаическое сознание не знает естественной смерти): вследствие гнева богов, болезни или мести духа убиенного зверя. Дом нужен не столько ему, сколько его соплеменникам, для того чтобы уберечь их от эпидемии смертельной болезни, от мести уже его духа за то, что ближние не смогли выводить его, уберечь от смерти. Возможно, наши предки испытали настоящую катастрофу, когда (или по причине чего) им пришлось переселиться в границы статичных пространств, в те зоны, которые раньше принадлежали зверям, мертвым, духам... Город в таком случае являет собой проекцию смерти. Прогресс, капитал, знание – все эти культурные производные, отождествленные европейским сознанием, начиная с эпохи Рима, с топосом Города и временем его жизни – что это, как не пустое время, время, лишенное событий, время, заполненное смертью события? Жители города – те, кто смотрят на жизнь глазами мертвеца. С развитием прямой перспективы, по мере математического замещения живого видения техническим или машины, параллельно усилению культа мертвого, а потому всевидящего глаза, манифестированного объективом фотокамеры, старые интонации смерти и города, как проводника этой смертельной слабости, получают новую аранжировку. Город, будучи с появлением новых оптических медиа зависим от тех установок взгляда, которые изобретает, например, фотография, становится городом-призраком. Частный опыт фотографа благодаря универсальности и необходимости, которые производит оптическая машина, переходит во всеобщую норму, набор изображений, увиденных и запечатленных фотографом, становится каноничным взглядом на город. Он существует отныне в образах, материализуясь лишь время от времени. Он весь зависит от тех точек интенсивности, которые производят оптические аппараты. Именно эти точки становятся опорными для скелета города, а значит, и для его тела. «Техника дагеротипии, представленная широкой публике Луи Даггером в 1839 г., совпала с феноменальным ур-

банистическим ростом. Между 1801 и 1851 гг. население Парижа удвоилось, в то время как население Лондона утроилось. Назвать развитие технического изображения и индустриальную реконструкцию города “совпадающими” означает подчеркнуть тот факт, что понятие “совпадения” здесь превосходит свои привычные границы. Оба процесса принадлежат более широкому процессу трансформации современной жизни, в которой рыночная система и производство товаров изменяют свой масштаб и скорость. Неотъемлемый факт этой трансформации масштабов и скоростей состоит в том, что фотографии города часто превосходят длительность существования зданий, которые они изображают» [23, с. 31]. По мере увеличения темпов технического производства фотографического образа, его тиражирования во всем мире становится очевидным, что город не просто сохраняется в фотографии. Город напрямую зависит от фотографии, так как фотография, как несколько позже кино, определяет взгляд на город, создает его ауру, задает ему настроение и типаж.

Такие пионеры медиаисследований, как Вальтер Беньямин, Теодор Адорно и Зигфрид Кракауэр, анализируя особую медиальную конструкцию мира кино, неоднократно подчеркивали, что только в силу величайшего технического обмана реальность в кино очищена от технических аппаратов. Сегодня, в условиях необратимой экспансии медиареальности, с сопутствующей ей трансформацией базовых смысловых структур и устоявшихся комплексов значений, превративших реальность в медиареальность, мы можем применить указанный тезис не только к реальности кино, но и к самой реальности. Только в силу величайшего технического обмана реальность очищена от технических аппаратов. «Наша культура жаждет, как умножить используемые ею медиа, так и стереть все следы медиации. В идеале стереть медиа в самом акте умножения их» [26, с. 98]. Виктор Шкловский «увидел в «мускульном ощущении» корни киномонтажа» [14]. Сегодня, когда отношение между телом, опытом реальности и медиа кардинально меняется, скорее киномонтаж (или то особое свойство медиареальности, которое заставляет нас видеть нас в нашем опыте лишь медиальные конструкции) определяет тело, его функции, способ-

ности и образы. Когда, выйдя на улицу из кинотеатра, мы уже не отличаем реальность от пропущенного сквозь сознание киноряда [18, с. 157], мы понимаем, что экранная культура изменяет способы работы обыденного сознания, материю повседневности, само понимание перцептивно-материального, которое существует теперь только в формате визуальности, экрана, плоскости, цифры. Современность давно уже вступила в эпоху экранированного опыта, что доказали, например, поздние модели капитализма фордистского типа, когда рабочий вместо непосредственной включенности в производство оказывается вовлечен в работу с экранами, детекторами, датчиками, вынуждающими его непрерывно пребывать в проекциях будущего: оценивать входящую информацию, анализировать ее, следить за выполнением прогноза. С экспансией статуса «пользователя» и приобретением им абсолютистской ауры меняются не столько способы производственной интеракции, сколько сам способ производства присутствия. Лейбниц считал, что существует определенный порог адекватного различения перцепций, а излишнее умножение восприятий угрожает телу недугом или даже распадом (смертью). Если культура определяется в наборе текстов и в ряде образов, то неудивительно, что по мере тиражирования текстов и образов тело утрачивает свою субстанциальность. Оно растворяется в потоках текстов и образов, претерпевает дисперсию. В мире изобилия перцептивного материала, в царстве образов, борющихся за наше внимание, мы оказываемся в плену визуальной агрессии. Не в силах отвести глаз от игры тех сил, которые могли бы уничтожить нас, но вместо этого просто делают все, что мы привычно считали важным и значимым, безразличным, мы сталкиваемся с тем самым головокружением, о котором говорит Лейбниц: «Когда у нас бывает большое количество малых восприятий, в которых нет ничего раздельного, тогда мы лишаемся чувств» [9, с. 416]. Разница состоит лишь в том, что тот поток визуальной агрессии, который нам предлагает сегодня город, погружая нас в обморок, встраивает наше тело в некую форму сна в форме сознания. Так, Герберт Маркузе иронично предлагает философии задачу проанализировать, что произойдет с сознанием, если убрать всю городскую рекламу.

Где оно сможет тогда брать образы, питающие его работу? Не будет ли это равносильно для него потере чувства ориентации? В конце концов – потере культурной памяти? Мы можем переадресовать все указанные вопросы к телу. Где тело будет черпать свой ресурс, если исчезнут все образы, его питающие, если механизмы, синтезирующие телесность или диссимилирующие его присутствие, вдруг придут в негодность?

Мишель Серр определяет базовые принципы коммуникации как устранение возможных разрывов в цепи медиаторов. «Системы работают, потому, что они не работают. Отсутствие функциональности остается преимущественным условием и гарантом функциональности. Указанное правило можно пояснить примером. Представьте себе, что существуют две станции, перманентно обменивающиеся сообщениями по определенному каналу. Если обмен состоялся, если все происходит безупречно, оптимально, непосредственно – тогда взаимодействие между станциями стирает свои следы. Но если взаимодействие попадает в сферу внимания, если следы очевидны, то это происходит только потому, что обмен информацией провалился» [25, с. 107].

Пока все идет безупречно, мы не замечаем наше тело. Оно включено в игру медийных инстанций, производимые ими навыки сживаются с ним, воплощаются в определенную форму ориентации в мире. «Привыкнуть к шляпе, автомобилю или трости – значит обустроиться в них или, наоборот, привлечь их к участию в объемности собственного тела. Навык выражает нашу способность расширять наше бытие в мире или изменять наше существование, дополняясь новыми орудиями» [12, с. 192]. Сегодня, когда наша пасторальная стихия устойчивого существования более чем когда бы то ни было поддерживается, сшивается и формируется нашим взаимодействием с медиа, поломка очередного гаджета открывает нашу болезненную укорененность в мире технической медиации. Энди Кларк определил человека в качестве «прирожденного киборга» (natural-born cyborg).

Независимо от утопического киберслияния биологического тела с имплантатами, проводами и микропроцессорами, наша телесность остается неразрывно связанной с ма-

териализованными техниками обращения, хранения и трансляции информации. Понимание ситуации сращения тела и технических медиа доступно пониманию не только тех экспериментаторов, кто внедряет «силикон и провода в плоть и кровь, но и каждому, кто чувствует, что его мышление напрямую зависит от акта письма. <...> Привычная тема «человека как создателя инструментов» делает шаг вперед. Многие из наших инструментов – просто внешние опоры и средства, но они глубоко интегрированы в систему нашего сознания ставить и разрешать проблемы» [20, с. 5]. Кларк указывает на связь нашей апперцепции со сложными культурными техниками и техническими аппаратами, но немецкий медиа-критик Петер Вайбель подчеркивает влияние этих аппаратов и на нашу перцепцию, на структуры возможного опыта и на повседневные практики ориентации в мире.

Через сближение с медийными инстанциями, гаджетами и аппаратами изменяются параметры телесности, ее динамическая роль в опыте повседневности, а значит, меняется вся конфигурация самой повседневности. Современное урбанистическое пространство упраздняется в пользу времени (Петер Вайбель), город низводится к его карте или даже схеме (Бернард Зигерт, Мишель де Серто), травматические переживания и негативный вклад в разметку событий предупреждаются построением аналитической картины мира (Вильям Флюссер). Несомненно, что кумулятивный эффект многочисленных смещений в эпистемологической разметке современности не просто заменяет одну модель теории на другую, но и радикально преобразует отношения и связи, действующие в нашем жизненном мире. Если мы примем во внимание, что тело издревле было местом пересечения интересов и полем битвы знаков, дискурсов, политических структур, моральных инстанций, то несложно будет сделать и вывод о том, что в эпицентре перечисленных мутаций стоит трагедия современного Актеона – непрерывная трансформация тела, которое все чаще понимается как набор подлежащих кодированию функций, как единство языков и символических порядков.

Тело как субстанция и субстрат подвергается забвению. Отныне тело рассматривается как сложная конструкция, эффект взаимо-

действия элементов тех структур, которые прежде полагались абсолютно несводимыми друг к другу. Неважно, идет ли речь о дисперсии тела в виртуальном пространстве, эстетике импланта, о биокоде, неотличимом от компьютерного кода, или о тех матрицах переживания, чувственной аффектации и желания, которые наш (ап)перцептивный аппарат перенимает у технических аппаратов, демонстрирующих нам, как нужно выглядеть, желать, страдать и любить. Важно лишь то, что наши способы интеракции в интересующем пространстве становятся подчинены многочисленным аппаратам, инстанциям, производящим реальность непосредственного и сокрытым под пеной произведенных ими эффектов. Важно, что среди этих инстанций существуют и инстанции соматической регуляции, диктующие нам модели тела, описывающие корпус доступных ему практик, программирующих опыт телесного переживания бытия в мире, синтезирующих саму материю повседневности.

По замечанию Юргена Хабермаса, Герберту Маркузе удалось обнаружить нетривиальный факт: в конструкции любого технического аппарата лежит общественно-исторический проект, а следовательно, и определенная схема взаимоотношений между людьми и вещами [16, с. 52]. Следуя мысли Маркузе, но используя понятие, позаимствованное из философии Мартина Хайдеггера, подобную «взаимосвязь отсылания значимости» можно назвать миром подручного, измерением человеческого существования, в котором схемы ориентации, взаимодействия между людьми, вещами и событиями происходят бессознательно-автоматически [17, с. 69–71]. Подручное выступает нашим проводником в мир, формой данности нам этого мира, а потому западноевропейская мысль в XX в., не отказываясь полностью от анализа «данности», все в большей степени интересуется рассмотрением исключительно способов данности. Превращаясь из критики познания в критику культуры, философия говорит нам о том, что самый древний и многослойный предмет рассмотрения в философской традиции – Природа – не является простым эквивалентом скрытой сути вещей, мы видим ее лишь через призму культурных артефактов. Следовательно, не остается удивительным и то, что при переходе от поисков

непосредственного к рассмотрению форм опосредования, способов сборки и удержания связей, к оператором реальности и различным режимам этой реальности, традиционно самое непосредственное («естественное») – телесность – начинает рассматриваться сначала по образу и подобию артефактов культуры, а затем и как гибрид, порожденный взаимодействием этих артефактов. То есть в каком-то смысле код культуры оказался не только параллелен коду природы, но и формально неотличим от него. Элементарные смысловые элементы этих кодов оказались обратимы и взаимозаменяемы, именно они породили гибридные представления о телесности в медиареальности.

Так, Ричард Докинз ставит перед биологией задачу разрушить предрассудок о том, что «живая материя расфасована по отдельным упаковкам, называемым организмами» [6, с. 22], что в функциональном объяснении индивидуальный организм обычно считают подходящей единицей для обсуждения. Американский медиафилософ Юджин Такер предлагает философии новую модель постановки вопроса о теле. Вместо того чтобы рассуждать о том, что есть тело, философии следовало бы ответить на вопрос: «Как делается тело?» [26, с. 2]. «На что способно биомолекулярное тело и как можно расширить спектр его способностей? Теории биологической жизни (общим местом которых выступает понятие “генетический код”) непосредственно связаны с практикой инженерии, программирования и дизайна» [там же]. А такие исследователи сознания, как Энди Кларк и Дэвид Чалмерс, в 1998 г. провозгласили тезис о необходимости расширенного понимания сознания (Extended-Mind Theory), который напрямую указывал на то, что инструментальный арсенал современного человека, техническая медиация и культурные артефакты не только являются дополнением или расширением нашей психосоматической структуры, но они прежде всего и определяют эту структуру во всем спектре ее проявлений. Для того чтобы разъяснить значимость технической медиации, Кларк и Чалмерс обращаются к примеру компьютерной игры «Тетрис», почерпнутому ими из статьи Дэвида Кирша и Пола Маглио «О различии эпистемологического от прагматического действия». Физическое вращение

фигурки в «Тетрисе» в диапазоне от 0 до 90 градусов, с учетом времени, затраченного на нажатие кнопки, занимает 100 миллисекунд, в то время как подобное вращение фигурки исключительно средствами воображения, не прибегаящего к технической объективации, занимает более 1 000 миллисекунд [21]. Количественное различие очевидно. Но не идет ли здесь речь о чем-то еще, о некоем качественном изменении? О том, например, что техническая медиация не только становится новым органом нашего мышления тела (и телом), но и принципом, определяющим как нашу телесность, так и наше мышление?

Комментируя сложившуюся ситуацию, Лев Манович отмечает, что «новые медиа обычно мыслятся состоящими как бы из двух слоев – “культурный слой” и “слой компьютерных технологий”. <...> Так как медиа создаются на компьютере, распространяются им, хранятся на нем и архивируются с его помощью, можно ожидать, что логика компьютерных технологий с необходимостью оказывает влияние на культуру» [22, с. 27–48]. Принимая во внимание то обстоятельство, что мы рассматриваем тело не столько в контексте естественной биологической структуры, сколько в контексте культурных способов данности того, что именуется «Природой», мы понимаем, что изменения в культуре необходимо ведут и к изменению соматико-символического присутствия в этой культуре. Когда изменяется плоть мира, модифицируется наша перцептивно-соматическая структура. «В новейший период мы имеем дело с исследованием машиннообусловленного восприятия мира. <...> Восприятие *per definitionem* подпадает под условия технологической эпохи» [4, с. 138]. Современное восприятие в большей степени зависит от навыков работы с экранами – компьютера, планшета, электронной книги, мобильного, – через которые осуществляется подпитка новой информацией, подключение к Google Maps и прокладывание/фиксация маршрута (*check-in*). Форма электронной карты смешивается с тем, что представляет собой город, обросший системой сквозных порталов (метро) и обретающий единство только в качестве гештальта нашего восприятия.

Мы уже видели нечто подобное на примере кино. «Большая часть того, что любой

из нас узнает о мире, приходит из фильмов, художественных или документальных, высокобюджетных или низкопробных; именно там показывают нам ежедневную деятельность учреждений полиции, армии, тюрьмы или суда, жизнь на борту субмарины, работу воров-карманников в парижском метро, тусовку тинэйджеров из Южной Калифорнии» [15, с. 133]. С распространением дигитального пространства и актуализацией особой логики, пришедшей из сферы составления технических программ и ставшей логикой культурного шрифта, медиафилософы вынуждены констатировать, что у нас больше нет времени смотреть и видеть, а потому нам «требуется готовый товар восприятия: фотографии, телефильмы (краткий перечень можно расширить путем добавления еще одного значимого культурного феномена – «компьютерные игры». – К. О.). Фотограф и оператор уполномочены отбирать информацию в мире образов, как автор в мире данных. Недостаток времени в повседневности ведет к тому, что приходится полагаться на первое впечатление, и отсюда следует, что чем шире поток информации, тем неизбежнее становится такая бессознательная уступчивость» [2, с. 22]. Подобное определение – «бессознательная уступчивость» – фиксирует, в том числе, и уступчивость со стороны тела. Отказавшись от рассмотрения природы тела, нам следует скорее анализировать ее в терминах интерфейса: а именно вместо вопросов о сущности и истине тела следовало бы обратиться к способам сборки телесных моделей, к их функциональным режимам. Город больше не обладает привилегией конструировать и поддерживать актуальные модели чувственности. Он сам является производным медийных инстанций и операторов. То, какие смыслы позволяют или не позволяют проводить и осуществлять урбанистические модели телесности, зависит не от тела и не от города, но от того, какие аппараты собирают и модифицируют для нас контекст переживания, определяют интенсивность и направленность этого переживания.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-13-34501г(р).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Болыц, Н. Албука Медиа / Н. Болыц. – М. : Европа, 2011. – 136 с.
3. Борхес, Х. Л. Истории о всадниках // Борхес Х. Л. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. Произведения 1921–1941 гг. / Х. Л. Борхес. – СПб. : Амфора, 2011. – 592 с.
4. Вайбель, П. Восприятие в технологическую эпоху // Вайбель П. 10++ программных текстов для возможных миров / П. Вайбель. – М. : Логос, 2011. – 304 с.
5. Дебрэ, Р. Введение в медиологию / Р. Дебрэ. – М. : Практикс, 2010. – 368 с.
6. Докинз, Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена / Р. Докинз. – М. : Corpus, 2010. – 512 с.
7. Кассирер, Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 2. Мифологическое мышление / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Университет. кн., 2002. – 280 с.
8. Лакан, Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте // Лакан Ж. Семинар, Книга II (1954/55). Я в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан. – М. : Гнозис : Логос, 2009. – 520 с.
9. Лейбниц, Г. В. Монадология // Лейбниц Г. В. Соч. В 4 т. Т. 1 / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982. – 636 с.
10. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Институт эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
11. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. – 464 с.
12. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 603 с.
13. Саразин, Ф. Открыто видимые тела. От анатомического спектакля к «психологическим курьезам» / Ф. Саразин // Логос. – 2010. – № 1 (74). – С. 58–79.
14. Сироткина, И. Шестое чувство авангарда / И. Сироткина // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/4499>. – Загл. с экрана.
15. Уайнбергер, Э. Люди камеры // Уайнбергер Э. Бумажные тигры : избр. эссе / Э. Уайнбергер. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. – 272 с.
16. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. – М. : Практикс, 2007. – 208 с.
17. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1997. – 452 с.
18. Хоркхаймер, М. Культуриндустрия как обман масс / М. Хоркхаймер, Т. Адорно // Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. – М. : Медиум, 1997. – 310 с.

19. Butler, J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex» / J. Butler. – N. Y. : Sage Publication, 1993. – 250 p.
20. Clark, A. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence / A. Clark. – N. Y. : Routledge, 2003. – 240 p.
21. Clark, A. The extended mind / A. Clark, D. Chalmers. – Electronic text data. – Mode of access: <http://consc.net/papers/extended.html>. – Title from screen.
22. Manovich, L. The Language of New Media / L. Manovich. – Cambridge : MIT Press, 2001. – 400 p.
23. McQuire, S. The Media City: Media, Architecture and Urban Space / S. McQuire. – Thousand Oaks : Association with Theory, Culture & Society, 2008. – 240 p.
24. Owen, D. Huges Bodies, Disease and Society / D. Owen // Italy in the age of the Renaissance 1300–1550. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 344 p.
25. Serres, M. Le Parasite / M. Serres. – Paris : Hermes, 1980. – 461 p.
26. Thacker, E. Biomedica (Electronic Mediations) / E. Thacker. – L. : University of Minnesota Press, 2004. – 240 p.

REFERENCES

1. Bodriyar Zh. *Simvolicheskiy obmen i smert* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 387 p.
2. Bolts N. *Azbuka Media* [Media ABC]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 136 p.
3. Borkhes Kh.L. *Istorii o vsadnikakh* [Stories on Horsemen]. *Sobr. soch. V 4 t. T. 1. Proizvedeniya 1921-1941 gg.* [Collected Works. In 4 vol. Vol. 1. Works of 1921-1941]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2011. 592 p.
4. Vaybel P. *Vospriyatie v tekhnologicheskuyu epokhu* [Perceptions in Technological Age]. *10++ programmnykh tekstov dlya vozmozhnykh mirov* [10++ Program Texts for Possible Worlds]. Moscow, Logos Publ., 2011. 304 p.
5. Debre R. *Vvedenie v mediologiyu* [Introduction to Mediology]. Moscow, Praxis Publ., 2010. 368 p.
6. Dokinz R. *Rasshirennyy fenotip: dlinnaya ruka gena* [The Extended Phenotype: the Long Arm of the Gene]. Moscow, Corpus Publ., 2010. 512 p.
7. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. V 3 t. T. 2. Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of Symbolic Forms. In 3 vol. Vol. 2. Mythological Thinking]. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2002. 280 p.
8. Lakan Zh. *Stadiya zerkala i ee rol v formirovani funktsii Ya v tom vide, v kakom ona predstaet nam v psikhoanaliticheskom opyte* [Mirror Stage and Its Role in Shaping the Function of Self in the Form in Which it Appears to Us in the Psychoanalytic Experience]. Lakan Zh., ed. *Seminar, Kniga II (1954/55). Ya v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza* [Seminar. Book 2.

The Self in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2009. 520 p.

9. Leybnits G.V. *Monadologiya* [Monadology]. *Soch. V 4 t. T. 1* [Works. In 4 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982. 636 p.

10. Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [Postmodern Condition]. Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii Publ.; Saint Petersburg, Aleteya Publ., 1998. 160 p.

11. Maklyuen G.M. *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Zhukovskiy, KANONpress-C Publ., Kuchkovo pole Publ., 2003. 464 p.

12. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatinya* [Phenomenology of Perception]. Saint Petersburg, Yuventa Publ., Nauka Publ., 1999. 603 p.

13. Sarazin F. Otkryto vidimye tela. Ot anatomicheskogo spektaklya k "psikhologicheskim kuryezam" [Open Visible Bodies. From Anatomical Performance to "Psychological Curiosities"]. *Logos*, 2010, no. 1 (74), pp. 58-79.

14. Sirotkina I. Shestoe chuvstvo avangarda [Sixth Sense of Avangard]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014, no. 1. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/4499>.

15. Uaynberger E. Lyudi kamery [People of Chamber]. *Bumazhnye tigry: izbrannyye esse* [Paper Tigers: Selected Essays]. Saint Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha, 2007. 272 p.

16. Khabermas Yu. *Tekhnika i nauka kak "ideologiya"* [Technology and Science as "Ideology"]. Moscow, Praksis Publ., 2007. 208 p.

17. Khaydegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 452 p.

18. Khorkhaymer M., Adorno T. *Kulturindustriya kak obman mass* [Culture Industry as Deception of Masses]. *Dialektika Prosveshcheniya: filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: Philosophic Fragments]. Moscow, Medium Publ., 1997. 310 p.

19. Butler J. *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of "Sex"*. New York, Sage Publication, 1993. 250 p.

20. Clark A. *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. New York, Routledge, 2003. 240 p.

21. Clark A., Chalmers D. *The Extended Mind*. Available at: <http://consc.net/papers/extended.html>.

22. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge, MIT Press, 2001. 400 p.

23. McQuire S. *The Media City: Media, Architecture and Urban Space*. Thousand Oaks, Association with Theory, Culture & Society, 2008. 240 p.

24. Owen D. *Huges Bodies, Disease and Society. Italy in the Age of the Renaissance 1300-1550*. Oxford, Oxford University Press, 2004. 344 p.

25. Serres M. *Le Parasite* [The Parasite]. Paris, Hermes, 1980. 461 p.

26. Thacker E. *Biomedica (Electronic Mediations)*. London, University of Minnesota Press, 2004. 240 p.

URBANISTIC CORPORALITY: SCOPE OF MEDIAL CONFIGURATION

Ocheretyanny Konstantin Alekseevich

Postgraduate Student, Department of Ontology and Epistemology,
Saint Petersburg State University,
Academic Secretary, Research Centre of Mediaphilosophy
of Saint Petersburg State University
ocherk.on@yandex.ru
Mendeleevskaya Liniya, 5, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Modern media authorities abolish or drastically alter habitual ways of orientation in the world. Space is abolished in favor of time, the city is reduced to its map or diagram, traumatic experiences and negative contribution to the events are prevented by building analytical picture of the world. The transformation of our experience raises questions about the limits of media reality, about medial design of space and new medial corporality. The urbanistic corporality in the age of new media has the scheme which is different from former kinds of corporality and is characterized by other somatic a priori, radical parameters of tacit cogito. The human body is not made virtual by its engagement with calculated visualization but is in turn part of the field of enquiry, equally porous, and definable in various scales and in different dimensions. Today the main feature of the urbanistic corporality consists in the fact that "corporal scheme" is inextricably connected with derivatives of "technical image".

Key words: body, media, city, image, sensuality, corporal scheme, space.